

ЭЛЬ КОСИМАНО

БУРЯ
ВРЕМЁН
ГОДА

Freedom

Москва

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К71

Seasons of the Storm
Copyright © 2020 y Elle Cosimano
Published by arrangement with Rights People,
London through The Van Lear Agency

Jacket art © 2020 by Pauline Boiteux
Jacket design by Jenna Stempel-Lobell

Косимано, Эль.
К71 Буря времен года / Эль Косимано; [перевод с английского Т. Димчевой, А. Онищук]. — Москва : Эксмо, 2020. — 640 с. — (Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира).

ISBN 978-5-04-115533-9

Однажды темной морозной ночью Джек оказался перед выбором — жить вечно по древним магическим законам или умереть. Он выбрал жизнь. Юноша стал зимой — бессмертным физическим воплощением времени года на земле. Каждый год он должен охотиться на сезон, который наступает до него. Лето убивает весну. Осень убивает лето. Зима убивает осень. А весна убивает зиму. Джек и Флёр, зима и весна, влюбились друг в друга вопреки всем правилам. Чтобы быть вместе, они должны вырваться из замкнутого круга, который образует год, но разделяет их испокон веков. Однако их создатели не допустят этого. Никогда.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Димчева Т., перевод на русский язык, 2020
- © Онищук А., перевод на русский язык, 2020
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-115533-9

ПРОЛОГ

*Уинтергрин, Вирджиния
21 декабря 1988 г.*

ДЖЕК

Есть некий скрытый изъян в доме, в который легко попасть и из которого трудно выбраться. Академия для мальчиков «Уинтер Ридж» подходит под обе эти категории. Мне уже удалось вставить в пазы четыре из пяти штифтов замка, и я практически ощущаю вкус просачивающегося из-под двери сладкого бодрящего воздуха свободы.

Парни сгрудились за моей спиной, разогретые контрабандным ромом, воодушевленные перспективой провести ночь вне этих стен, несмотря на риск быть пойманными.

Нас не хватается. Я целый месяц разрабатывал план — примечал время смены охранников, составлял карты их маршрутов патрулирования после отбоя, размышлял над тем, как вернуть нас назад до утренней переключки. Если кто и заслуживает нескольких часов на воле, так это мы.

Потому что мы — самые отъявленные хулиганы, которых даже родители не пожелали забрать домой на праздники. Последний обход спален был час назад. Учителя разъехались на Рождество, да и охранников осталось всего ничего — по пальцам пересчитать. Если я смогу незаметно провести нас мимо уличных сенсорных фонарей, то никому и в голову не придет искать.

— Давай скорее, Салливан! Что ты там копаешься?

— Тише! Я почти закончил.

Они похожи на щенков — приглушенно твоят, повизгивают и посмеиваются, неуклюже возьмется в своих толстых куртках за моей спиной. Один из них толкает меня, вгоняя в пот. Я налегаю на дверь, и последний штифт встает в паз.

Замок щелкает.

Куча мала за моей спиной распадается, и, тесня друг друга, мальчишки выглядывают у меня из-за плеча, дыша перегаром. Дверь со скрипом открывается, прочерчивая на снегу широкую дугу, похожую на крыло ангела. Я отталкиваю их назад и высовываю голову наружу. Безмолвный лес поглощает любые звуки.

Все выходы из школы оборудованы сигнализацией. Кроме этого. Полускрытая в глубине старой котельной, покрытая слоем пыли щербатая дверь и заржавевший замок почти не оказали нам сопротивления. Эта часть общежития вплотную прилегает к лесу и не видна из остальной части кампуса. Летом она густо зарастает сорняками и дикими травами, пробивающими себе путь в тени склоненных чуть не до земли ветвей дубов и каштанов,

окружающих школу. О существовании этой двери как будто забыли. Охранники сюда и не заглядывают. По утрам, когда нас выводят подышать свежим воздухом, это единственный незатоптанный снежный участок на территории школы.

— Идите же, — шепчу я, придерживая дверь для остальных. Натягиваю лыжную куртку и шапку. В свете луны на толстом слое снега отчетливо проступают следы. Я бегу за ребятами и, хоть щеки пощипывает от мороза, широко, почти до боли улыбаюсь. Огни школы гаснут за спиной.

Легкие у меня горят огнем, в груди тоже полыхает пламя. Кажется, что впервые за долгие годы — с тех пор, как попал в школу, — я обрел способность свободно дышать. Велико искушение отделиться от группы и продолжить просто нестись вперед, исчезнуть, но по условиям моего испытательного срока мне осталось провести в стенах этого заведения всего полгода.

А что потом? Куда, черт подери, мне податься после окончания школы?

Я роюсь в кармане, пытаюсь нащупать контрабандный виски, но его нет. Посмотрев вперед, замечаю, как лунный свет отражается от пустой бутылки, зажатой в чьей-то руке в перчатке.

Мой сосед по комнате бросает мне банку дешевого пива, и я ловлю ее, прижав к груди. Пойло изрядно взболтано и еще хранит тепло общезжития, где было спрятано.

— С днем рождения, Джек, — бормочу я.

Я открываю банку и припадаю к ней ртом, прежде чем забрызжет пена. С ужина минула, кажется, целая вечность. Пиво ударяет мне в голову,

а желудок остается пустым, даже после того, как я опрокидываю в себя добавку.

Мы идем, пока не немеют лица. Пока не оказываемся у высокого, обнесенного цепью забора, отделяющего школу от горнолыжного курорта с другой стороны.

— Здесь, — сообщаю я.

Месяц назад я набросал карту этого места. Во время каникул в колледже старший брат моего соседа по комнате работает в пункте проката лыж. Кто-то мне сказал, что он копит деньги на машину. Тогда я убедил ребят из соседних спален скинуться на взятку, написал на клочке бумаги размеры наших ботинок и передал брату того парня вместе с деньгами и картой, перехватив его две недели назад во время воскресного визита. Было бы жаль упустить шанс покататься на лыжах по склонам, которые видны из некоторых окон нашего общежития.

В сосновом лесу обнаружился торчащий из-под снега валун — именно в том месте, которое я отметил на карте.

Мы опустились вокруг него на колени и принялись копать. Когда я извлек на свет божий шесть комплектов лыж с палками, послышались возгласы «Да!» и «Черт возьми!». Также мы выудили мусорные мешки и, разорвав их, обнаружили по паре ботинок для каждого из нас.

— Джек, ты просто гребаный гений!

Один из парней пьяно чмокает меня в лоб и тут же толкает обратно в снег. Металлическая ограда гремит, когда мы просовываем снаряжение через отверстие. Острые края звеньев цепи звякают снова и снова, пока последний из нас не проникает

на территорию с табличкой «Посторонним вход воспрещен».

С лыжами и палками мы пробираемся через лес и останавливаемся, только когда деревья остаются позади. На нас снисходит благословенная тишина.

Склоны, припорошенные «пудрой» — сверкающим точно звезды свежевывавшим снежком, — теряются во мраке ночи, которая, кажется, принадлежит нам одним и будет тянуться бесконечно.

Я надеваю лыжи и зависаю над гребнем там, где склон встречается с тропой. На моих глазах парни с дикими криками устремляются вниз, вилая вправо и влево по склону с маркировкой двойного черного ромба¹.

Склон обрывается, когда я пытаюсь смотреть на него в упор. Краем глаза ловлю какое-то движение и замечаю клубящуюся у основания деревьев тень, похожую на завиток темного тумана.

— Ты в порядке, Джек? — спрашивает мой сосед по комнате.

— Да, все отлично, — отвечаю я охрипшим от холода и смеха голосом. Отвожу взгляд от деревьев, мысленно давая себе хорошего пинка за то, что выдул две банки пива на пустой желудок. — Никогда еще не чувствовал себя таким живым.

— Жаль, что спуститься можно только один раз, — сетует он.

Один раз. Это все, чем мы можем довольствоваться. Склоны закрыты. Подъемники не рабо-

¹ Двойной черный ромб — термин для обозначения одной из самых трудных лыжных трасс с крутыми склонами, которые подходят только для опытных лыжников.

тают. К тому времени, как вскарабкаемся по горе и вернемся в школу, почти рассветет, и на следующие шесть месяцев я снова стану узником. Все, что мне нужно, это один идеальный спуск, несколько мимолетных мгновений, когда ничто не будет меня сдерживать.

— Оторвись по полной, Джек. Второго шанса не представится. — Безрассудно сверкнув глазами, мой приятель отталкивается. — Встретимся внизу.

Из-под его лыж доносится мягкий свист, и он исчезает из виду. Я стреляю глазами в сторону леса, но тут же заставляю себя смотреть прямо перед собой, игнорируя заползшего мне в голову червячка сомнений.

«Это единственная ночь, когда ты не привязан к этому месту. Единственная ночь, когда тебе не нужно ни перед кем отчитываться. Не теряй самообладания».

Я пониже натягиваю шапку на уши и еду за своим другом. Ветер обжигает лицо, похищает дыхание. Я со свистом несусь в ночи, не успевая рассмотреть, что впереди. Первые несколько поворотов делаю осторожно — слишком осторожно — и огибаю пару кочек.

«У нас есть только одна попытка... никаких вторых шансов».

Я расслабляю колени и мягко вхожу в повороты, ловя ветер. Наконец я отталкиваюсь от земли и в следующую секунду взрываю в воздух. Сердце поет в груди. Лыжи приземляются, начинают скользить по насту. Я пытаюсь затормозить, но по инерции продолжаю нестись в темноту, точно меня тянут на буксире.

Склон исчезает, а мое радостное возбуждение сменяется паникой. Деревья, кажется, мчатся прямо на меня.

Раздается треск, у меня внутри все сотрясается, ветви хлещут по коже. Удар так силен, что выдергивает из лыж и швыряет спиной в снег.

Я лежу с закрытыми глазами, в ушах стоит оглушительный звон. Я моргаю, постепенно приходя в сознание, и вижу над головой сияющие звезды. Мое теплое дыхание клубится на холоде, как дым от обломков на месте аварии.

Боли нет. Поначалу, во всяком случае. Я испускаю низкий стон, и меня посещает тревожное чувство, что я что-нибудь себе сломал. Шапка куда-то делась, затылку холодно и сыро. Последние крики друзей затихают внизу.

«Мне нужно подняться. Нужно догнать их».

Я пытаюсь пошевелить ногами... но они не реагируют. Я не чувствую ни боли, ни холода — вообще ничего. Тело ниже пояса будто онемело. Мной овладевает страх.

«Дерьмо, Джек. Какого черты ты натворил?»

Я открываю было рот, чтобы позвать на помощь, но не могу выдать из себя ни звука. Мне не хватает воздуха. Острая боль пронзает ребра, ширится, растет до тех пор, пока становится невозможно дышать и даже мыслить.

«Прошу вас, нет! Не бросайте меня здесь!»

Ночное небо то становится четким, то снова расплывается перед глазами, боль тоже накатывает волнами. Снег просачивается за воротник моей куртки. И в перчатки. Сердце бьется медлен-

нее, руки дрожат, а зубы... Боже, я не могу перестать стучать зубами.

«Ты облажался, Джек. И теперь ты умрешь».

— Только если сам этого захочешь.

У меня перехватывает дыхание. Услышав женский голос, я открываю глаза и, устремив взгляд к лесу, пытаюсь что-то там высмотреть, хотя едва могу удержать фокус.

«Пожалуйста... помоги мне! Пожалуйста, я не могу...»

Мне кажется, что корни деревьев лезут из земли и начинают извиваться по снегу, как живые. Я снова закрываю глаза. Ну вот, вижу то, чего нет. Галлюцинации. Крепко же я головой ударился. Когда я снова поднимаю веки, корни продолжают двигаться, сплетаются воедино, образуя приподнятый над снегом настил.

В конце которого появляется женщина.

«Мама?»

Ее имя застревает в горле, причиняя боль.

— Можешь звать меня Геей, — говорит женщина.

Нет. Это не моя мать. Моя мать никогда бы не пришла. И не придет.

Длинное белое платье женщины светится в темноте. По мере приближения очертания ее фигуры становятся отчетливее. С каждым шагом дорожка у нее под ногами удлиняется, тянется прямым ко мне. Сплетенные корни изгибаются и образуют лестницу, по которой она сходит вниз, а затем распутываются и исчезают в снегу.

Женщина опускается рядом со мной на колени. Мой взгляд медленно фокусируется на ее

лице в обрамлении серебристых волос. Только глаза рассмотреть не могу. Они мерцают, как бриллианты. Или, может, это я плачу. Мое дыхание становится прерывистым. Я ощущаю вкус крови во рту. Испугавшись удушающего запаха меди и железа, я в слепой панике тянусь к ней.

«Я умер?»

Ее теплая ладонь касается моей щеки. От нее пахнет цветами. И весной в горах.

— Пока нет, но уже недолго осталось, — говорит она. — У тебя разрыв селезенки. Ребро проткнуло легкое. Ты умрешь от ран, прежде чем они успеют исцелиться.

«Но мои друзья...»

— Они за тобой не вернуться.

«Нет».

Все это мне только кажется. Не может она знать таких вещей. Но в глубине души я понимаю, что происходящее реально, что женщина права. Каждое слово причиняет боль. Каждый вдох раздирает меня на части.

— Я предлагаю тебе выбор, Джейкоб Мэттью Салливан, — продолжает она. — Возвращайся домой со мной и живи вечно, но по моим правилам. Или умри здесь и сейчас.

«Домой». Волна боли захлестывает меня изнутри. Последний вздох как будто придает мне сил, и я хватаю женщину за запястье.

«Прошу тебя!» — умоляю я ее. — *«Пожалуйста, не дай мне умереть».*

A decorative wreath made of roses and branches, set against a dark, textured background. The wreath is composed of several roses of various stages of bloom, interspersed with leaves and thick, gnarled branches. The roses are rendered in a light, monochromatic style, possibly using a relief or embossed technique. The branches are dark and have a rough, natural texture. The overall composition is circular, with the wreath forming a frame around the central text.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ